КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 35

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1909

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: Л. С. Бакстомъ, А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1) Городище восточныхъ славянъ, *Н. К. Рериха.*
2) Торгъ у восточныхъ славянъ, *В. М. Васнецова.*
3) Варяги, *В. М. Васнецова.*
4) Христіанство и язычество, *С. В. Иванова.*
5) Судъ во времена Русской Правды (X—XII вв.), *И. Я. Билибина.*
6) Вѣче, *А. М. Васнецова.*
7) Съѣздъ князей, *И. Я. Билибина.*

II. Суздальская Русь.

8) Новгородскій торгъ, *А. М. Васнецова.*
9) Баскаки, *С. В. Иванова.*
10) Дворъ удѣльнаго князя (XIII—XIV вв.), *А. М. Васнецова.*

III. Московская Русь.

11) Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси, *С. В. Иванова.*
12) Святѣйшій патріархъ, *С. В. Иванова.*
13) Боярская Дума (XVI—XVII вв.), *С. В. Иванова.*
14) Земскій Соборъ (XVII в.), *С. В. Иванова.*
15) Въ Приказѣ Московскихъ временъ, *С. В. Иванова.*
16) Судъ въ Московскомъ государствѣ, *С. В. Иванова.*
17) Пріѣздъ воеводы, *С. В. Иванова.*
18) Смотръ служилыхъ людей (XVI—XVII вв.). *С. В. Иванова.*
19) На сторожевой границѣ Московскаго государства, *С. В. Иванова.*
20) Стрѣльцы, *С. В. Иванова.*
21) Юрьевъ день, *С. В. Иванова.*
22) Площадь въ городѣ Московскихъ временъ, *А. М. Васнецова.*
23) Монастырь въ Московской Руси (XIII—XVII вв.), *А. М. Васнецова.*
24) Школа въ Московской Руси, *Б. М. Кустодіева.*
25) Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ (XVI—XVII вв.), *А. М. Васнецова.*
26) Въ смутное время, *С. В. Иванова.*
27) Во времена раскола, *С. В. Иванова.*

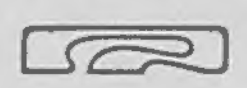
IV. Всероссійская Русь.

28) Въ Нѣмецкой слободѣ, *А. Н. Бенуа.*
29) Солдаты Петра Великаго, *Д. Н. Кардовскаго.*
30) Флотъ Петра Великаго, *Е. Е. Лансере.*
31) Засѣданіе Сената Петровскихъ временъ, *Д. Н. Кардовскаго.*
32) Постройка канала при Петрѣ Великомъ, *В. А. Сѣрова.*
33) Въ школѣ временъ Петра Великаго, *Д. Н. Кардовскаго.*
34) Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ, *В. А. Сѣрова.*
35) Петръ Великій, *В. А. Сѣрова.*
36) Императрица Анна и ея дворъ (1730—1740), *Д. Н. Кардовскаго.*
37) Цесаревна Елизавета у Преображенск. казармъ 25 нояб. 1741 г., *Е. Е. Лансере.*
38) Выходъ императрицы Екатерины II, *А. Н. Бенуа.*
39) Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ, *А. Н. Бенуа.*
40) Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена, *А. Н. Бенуа.*
41) Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII, нач. XIX вѣка, *А. Н. Бенуа.*
42) Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ I (1796—1801), *А. Н. Бенуа.*
43) Въ разоренной Москвѣ (1812 г.), *М. В. Добужинскаго.*
44) Въ военномъ поселеніи, *М. В. Добужинскаго.*
45) Декабристы, *Л. О. Пастернака.*
46) Ученье солдатъ въ Николаевское время, *М. В. Добужинскаго.*
47) Городъ въ Николаевское время, *М. В. Добужинскаго.*
48) Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ, *Л. О. Пастернака.*
49) Люди 40-хъ годовъ, *Л. С. Бакста.*
50) Освобожденіе крестьянъ, *Б. М. Кустодіева.*

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

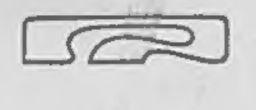
С. А. КНЯЗЬКОВА.

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 35

В. А. Сѣровъ. Петръ Великій.

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1909.

ПРОВЕРЕНО
1946 г.

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-ВО СКОРОПЕЧ. А.А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР., С. Д.

Научная Б-ка
им. Горького
при ЛГУ

Петръ I Великій.

Въ ранней юности Петръ Великій поражалъ видѣвшихъ его необыкновенной красотой и живостью лица и фигуры. Черты лица его съ возрастомъ огрубѣли, но тѣмъ не менѣе останавливали вниманіе всѣхъ встрѣчавшихся съ нимъ. Онъ былъ очень большого роста—безъ малаго сажень, и во всякой толпѣ выдавался на цѣлую голову. Взглядъ его большихъ черныхъ глазъ, пристальный и огневой, рѣдко кто могъ выдержать безъ смущенія. Лицо Петра портили только судорожныя подергиванія, которыхъ онъ не могъ сдержать особенно въ минуты гнѣва и душевнаго волненія. Эти конвульсіи были слѣдствіемъ тѣхъ душевныхъ потрясеній, которыя Петру пришлось пережить въ дѣтствѣ во дни стрѣлецкихъ мятежей. Неумѣренность въ трудахъ и потѣхахъ послѣдующей жизни, особенно невоздержанность въ пирахъ, конечно, не способствовали излѣченію этого недуга, да и вся обстановка его жизни — тревожной, и полной опасеній, разочарованій, тѣмъ болѣе сильныхъ, чѣмъ сильнѣе были увлеченія, не создавала того мира душевнаго у этого человѣка, при которомъ только и возможно спокойное развитіе всѣхъ силъ духовныхъ и тѣлесныхъ. Петръ вѣчно былъ въ тревогѣ—событія Сѣверной войны, съ ихъ смѣной удачъ и неудачъ, реформы внутренняго строя, далеко не становившіеся своимъ результатомъ въ уровень возлагавшихся на нихъ надеждъ, отсутствіе вокругъ людей, на которыхъ Петръ могъ бы положиться какъ на самого себя, постоянное разочарованіе въ людяхъ, ощущеніе, что люди—ближайшіе сотрудники—стоятъ возлѣ него только потому, что онъ ихъ властно около себя держитъ, и что безъ него они готовы измѣнить самому его дѣлу такъ же легко, какъ измѣняютъ не только тѣмъ началамъ государственной пользы,

какія онъ клалъ въ основу всякаго дѣла, но и простому честному отношенію къ дѣлу,—все это дѣлало Петра одинокимъ въ жизни, а, слѣдовательно, вѣчно неспокойнымъ, тревожно и подозрительно настроеннымъ, и конвульсивныя подергиванія лица остались навсегда свидѣтелями больного состоянія этого гигантскаго характера и великой души. Въ зрѣлыхъ годахъ эти подергиванія были страшны, но въ молодости они еще не такъ рѣзко сказывались, и курфюрстина Софія-Шарлотта, видѣвшая Петра въ 1698 году, въ своемъ описаніи встрѣчи съ московскимъ царемъ въ мѣстечкѣ Коппенбрюгге говоритъ, что она представляла себѣ эти гримасы, по разсказамъ, хуже, чѣмъ онѣ оказались на самомъ дѣлѣ. Воспитанникъ солдатской казармы, частый посѣтитель мѣщанскихъ домовъ нѣмецкой слободы, Петръ никогда не отличался сдержанностью, извѣстнымъ лоскомъ и самообладаніемъ въ обращеніи, во внѣшнихъ манерахъ, и курфюрстина очень недовольна внѣшними манерами Петра, онъ грубъ, по ея словамъ, и видно было, что его не выучили ѣсть опрятно, хотя это все и смягчалось естественной непринужденностью поступковъ, но эта непринужденность часто переходила въ безцеремонность. Мать этой курфюрстины, видѣвшая Петра тогда же, писала о немъ: «Царь высокъ ростомъ, у него прекрасныя черты лица и благородная осанка онъ обладаетъ большой живостью ума, отвѣты его быстры и вѣрны, но при всѣхъ достоинствахъ, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтобы въ немъ было поменьше грубости. Это государь очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной... Если бы онъ получилъ лучшее воспитаніе, то изъ него вышелъ бы человѣкъ совершенный, потому что у него много природныхъ достоинствъ и необыкновенный умъ».

Позднѣе, во время пребыванія Петра въ Парижѣ, герцогъ Сенъ-Симонъ, очень присматривавшійся къ московскому царю, такъ записалъ себѣ впечатлѣніе, которое производилъ Петръ: «Онъ былъ очень высокъ ростомъ,—пишетъ Сенъ-Симонъ,—хорошо сложенъ, довольно худощавъ, съ кругловатымъ лицомъ, высокимъ лбомъ, прекрасными бровями; носъ у него довольно коротокъ, но не слишкомъ и къ концу нѣсколько толстоватъ; губы довольно крупныя, цвѣтъ лица красноватый и смуглый, прекрасные черные глаза,

большіе, живые, проницательные, красивой формы; взглядъ величественный и привѣтливый, когда онъ наблюдаетъ за собой и сдерживается, въ противномъ случаѣ суровый и дикій, съ судорогами въ лицѣ, которыя повторяются не часто, но искажаютъ и глаза и все лицо, пугая всѣхъ присутствующихъ. Судорога длилась обыкновенно одно мгновеніе, и тогда взглядъ его дѣлался страшнымъ, какъ бы растеряннымъ, потомъ все сейчасъ же принимало обычный видъ. Вся наружность его выказывала умъ, размышленіе, величіе и не лишена была прелести».

Одѣвался Петръ очень просто. Французскаго покроя кафтанъ, обыкновенно темнаго цвѣта съ камзоломъ болѣе свѣтлаго, чулки и башмаки на ногахъ, иногда ботфорты, лѣтомъ треугольная шляпа на головѣ, зимой шапка. Лѣтомъ Петръ любилъ даже совсѣмъ не носить шляпу—и только на случай, если понадобится, ее носилъ за нимъ деньщикъ. Зимой Петръ надѣвалъ теплый кафтанъ на мѣху; полы этого кафтана были подбиты соболями, а рукава и спина, ради своеобразной экономіи, бѣличьимъ мѣхомъ. По праздникамъ и торжественнымъ днямъ Петръ появлялся всегда въ мундирѣ полковника Преображенскаго полка. За всю свою жизнь Петръ сдѣлалъ себѣ только два очень пышныхъ наряда, «гродетуровыхъ», шитыхъ золотомъ и серебромъ—одинъ былъ голубого цвѣта, а другой «дикаго». Нечего и говорить, что всякую мелочь въ своемъ нарядѣ Петръ, въ случаѣ надобности, умѣлъ исправить самъ, и въ карманѣ его платья вмѣстѣ съ записной книжкой, готовальней чертежныхъ инструментовъ и простѣйшимъ наборомъ инструментовъ хирургическихъ, всегда имѣлась коробочка съ иглой, обмотанной нитками. Петръ любилъ выставлять свою бережливость въ одеждѣ, любилъ указать на то, что самъ умѣетъ сшить себѣ сапоги, и что жена его, царица Екатерина, сама штопаетъ, при случаѣ, его чулки. Но отъ приближенныхъ Петръ требовалъ нѣкоторой пышности въ одеждѣ и не любилъ, когда въ обществѣ люди являлись бѣдно и небрежно одѣтыми. Петръ рано облысѣлъ и обыкновенно носилъ, по тогдашнему обычаю, парикъ, но не модный съ длинными кудрями, пудренный и завитой, а короткій, сдѣланный изъ его собственныхъ волосъ; но часто появлялся онъ и

безъ парика, а когда голова зябла, то преспокойно стаскивалъ парикъ съ сосѣда и надѣвалъ, пока голова не согрѣется. Въ рукахъ Петра при всѣхъ выходахъ на воздухъ была „дубинка"—камышевая трость, на которую онъ и опирался при ходьбѣ. Высокую фигуру государя часто видали на улицахъ Петербурга. Когда ему надо было что-нибудь поблизости отъ дворца, онъ всегда выходилъ пѣшкомъ; когда же приходилось торопиться, то ѣхалъ верхомъ или въ одноколкѣ съ деньщикомъ на запяткахъ. Эта знаменитая одноколка была такая заслуженная, что, по словамъ современника, не всякій купецъ рѣшился бы на ней выѣхать. Шагая своими громадными шагами такъ, что спутники еле поспѣвали за нимъ, Петръ терпѣть не могъ, если его останавливали на улицѣ стариннымъ поклономъ до земли. «Эхъ, братецъ,—говорилъ онъ такому почитателю,—у тебя свое дѣло, у меня свое; кланяться же до земли подобаетъ только Богу. Ступай!» Но подъ горячую руку не отдавшій во время почести государю снятіемъ шляпы платился за свою оплошность жестоко и больно; дубинка въ сильныхъ рукахъ Петра, когда онъ раздражался, превращалась въ смертоносное оружіе и замертво валила съ ногъ всякаго подвернувшагося.

Образъ жизни Петра отличался вообще большой простотой и непринужденностью.

«Обыкновенно вставалъ его величество, — разсказываетъ токарь Петра,—утромъ часу въ пятомъ и съ полчаса прохаживался по комнатѣ. Потомъ Макаровъ, его секретарь, читалъ ему дѣла. Послѣ, позавтракавъ, выѣзжалъ государь въ шесть часовъ въ одноколкѣ или верхомъ къ работамъ, или на строенія, оттуда отправлялся въ сенатъ или въ адмиралтейство. Въ хорошую погоду хаживалъ пѣшкомъ. Обѣдалъ онъ въ часъ пополудни. Въ десять часовъ пилъ одну чарку водки и заѣдалъ кренделемъ; послѣ обѣда, спустя полчаса, ложился почивать часа на два; въ четыре часа послѣ обѣда отправлялъ снова разныя дѣла; по окончаніи оныхъ почивалъ; потомъ либо выѣзжалъ къ кому въ гости, или дома съ ближними веселился. Такая-то жизнь была у сего государя».

«Петръ Великій не любилъ никакой пышности, великолѣпія и многихъ прислужниковъ. Публичные столы отправлялъ онъ у князя

Меншикова, куда и бывали званы чужестранные министры. У себя же дома за обыкновеннымъ столомъ у него не приказано было служить лакеямъ. Кушанья его были: кислыя щи, студень, каша, жареное съ огурцами или лимонами солеными, солонина, ветчина, да отмѣнно жаловалъ лимбургскій сыръ; все сіе подавалъ поваръ его Фельтенъ».

«Водку употреблялъ государь анисовую, обыкновеннымъ же питьемъ его былъ квасъ; во время обѣда пилъ вино эрмитажъ, а иногда венгерское; рыбы никогда не кушалъ. За стуломъ у него стоялъ всегда одинъ изъ дневальныхъ деньщиковъ, о лакеяхъ же государь говаривалъ:

— «Не должно имѣть рабовъ свидѣтелями того, какъ хозяинъ ѣстъ и веселится съ друзьями. Они—переносчики вѣстей, болтаютъ то, чего не бывало».

«Голландскіе газеты читывалъ государь послѣ обѣда и дѣлалъ на нихъ свои примѣчанія, означая въ нихъ карандашомъ, а иное отмѣчалъ у себя въ записной книжкѣ».

«Допускъ по дѣламъ предъ государя былъ въ особый кабинетъ подлѣ токарной или въ самую токарную. Въ сихъ-то комнатахъ производились всѣ государственныя тайности; въ нихъ оказываемо было монаршее милосердіе и тайное наказаніе, которое никогда не обнаруживалось и вѣчному забвенію предаваемо было».

Но скромный и бережливый въ частной жизни, Петръ очень хотѣлъ, чтобы его приближенные жили широко и открыто. Разсказываютъ, какъ царь, прислушиваясь къ звукамъ музыки и веселымъ кликамъ гостей въ домѣ большого хлѣбосола князя Меншикова, доносившимся къ нему съ того берега Невы, говаривалъ съ удовольствіемъ: «Вотъ какъ славно Данилычъ веселится.»

Въ молодости, да временемъ и позднѣе Петръ былъ довольно таки неразборчивъ на веселье и развлеченье. Грубая попойка со шкиперами и матросами или церемонный балъ были для него вещи почти одинаковыя, потому что онъ одинаково просто и непринужденно держалъ себя тутъ и тамъ. Когда становилось жарко, Петръ, не очень стѣсняясь дамъ, снималъ кафтанъ. Уставши, онъ уходилъ полежать, строго запретивъ, однако, гостямъ расходиться; случалось Петру и балъ смѣшать съ матросской попойкой и пройтись русскую по накрытому

столу, но это бывало очень рѣдко, и къ 1720-мъ годамъ эти привычки молодости были оставлены. По отзывамъ иностранцевъ, петербургскій дворъ послѣднихъ годовъ жизни Петра по внѣшности ни въ чемъ не уступалъ любому германскому.

Петръ въ обществѣ бывалъ обыкновенно, веселъ, обходителенъ, разговорчивъ и бесѣду любилъ веселую, непринужденную, умную; ссоръ и брани онъ не терпѣлъ, и виновнаго въ нарушеніи пріятельской бесѣды, того, кто лишнее вралъ и другихъ задиралъ, заставлялъ всегда пить штрафъ—кубка три—четыре вина, или одного «орла»—большой ковшъ такой же вмѣстимости. Говорятъ, что Петръ, хмелѣвшій очень медленно, любилъ подпоить своихъ сотрапезниковъ и прислушиваться къ тому вздору, перемѣшанному съ правдой, который часто несутъ подвыпившіе люди, обнажая нечаянно свои сокровенныя мысли и мечты о себѣ и другихъ.

Участники товарищескихъ бесѣдъ Петра съ его сотрудниками увѣряютъ почти единогласно, что, съ Петромъ въ роли гостепріимнаго хозяина чувствовалось легко и непринужденно. Корабельные мастера и офицера должны были обращаться къ Петру, какъ къ своему сослуживцу, и именовать его въ обращеніи не «ваше величество», а Myn Her Schaut-by-Nacht, или впослѣдствіи Myn Her Vice-admiral, чины же военные сухопутные должны были называть его по сухопутному чину; это обстоятельство при томъ условіи, когда всѣ знали, что свои чины Петръ получилъ за дѣйствительную, а не показную службу, очень облегчало общеніе съ Петромъ его подданныхъ и подчиненныхъ; простые офицеры и корабельные мастера, подогрѣтые парами Бахуса, чокались съ царемъ-адмираломъ или генераломъ, запросто съ нимъ обнимались, клялись ему въ своей любви и усердіи, а онъ имъ платилъ такими же выраженіями признательности. Въ молодости Петра бывали случаи, когда онъ, при вспыльчивости своего характера, развертывался во всю ширь своей необузданной натуры и, обнаживъ шпагу, кидался на собесѣдника, котораго считалъ виноватымъ въ чемъ-либо, но къ зрѣлому возрасту такія вспышки бывали рѣдки и, разсердившись и зная свою тяжелую руку, Петръ, обыкновенно, убѣгалъ изъ залы, поставивъ солдата съ ружьемъ къ дверямъ, чтобы испуганные его гнѣвомъ гости

не вздумали разойтись. Успокоенный Екатериной, умѣвшей это дѣлать какъ никто, онъ возвращался скоро, и пиръ продолжался, какъ будто ничего не случилось.

«Содержаніе бесѣдъ Петра съ его гостями было довольно разнообразное: говорили о Библіи, о мощахъ, о безбожникахъ, о народныхъ суевѣріяхъ, о Карлѣ XII, о заграничныхъ порядкахъ. Иногда среди собесѣдниковъ заходила рѣчь и о предметахъ болѣе имъ близкихъ, практическихъ, о началѣ и значеніи того дѣла, которое они дѣлали, о планахъ будущаго, о томъ, что имъ предстоитъ еще сдѣлать». Въ этихъ бесѣдахъ, отрывочно и неполно сохранившихся въ воспоминаніяхъ современниковъ, происходила оцѣнка дѣятельности самого царя и его предшественниковъ, вскрывались тѣ побужденія и идеи, которыя легли въ основу его дѣятельности.

Въ 1717 г. Петръ на пиру разговорился о своемъ отцѣ, о его войнѣ съ Польшей, о спорѣ его съ патріархомъ Никономъ. Сенаторъ Мусинъ-Пушкинъ принялся выхвалять сына и унижать отца, говоря, что царь Алексѣй самъ мало что дѣлалъ, а больше Морозовъ съ другими великими министрами; все дѣло въ министрахъ: каковы министры у государя, таковы и его дѣла. Государя раздосадовали эти рѣчи: онъ всталъ изъ-за стола и сказалъ Мусину-Пушкину:

— «Въ твоемъ порицаніи дѣлъ моего отца и въ похвалѣ моимъ больше брани на меня, чѣмъ я могу стерпѣть».

Потомъ, подошедши къ кн. Я. Ѳ. Долгорукому и ставъ за его стуломъ, говорилъ ему.

— «Вотъ ты больше всѣхъ меня бранишь и такъ больно досаждаешь мнѣ своими спорами, что я часто едва не теряю терпѣнія; а какъ разсужу, то и увижу, что ты искренно меня и государство любишь и правду говоришь, за что я внутренно тебѣ благодаренъ. А теперь я спрошу тебя, какъ ты думаешь о дѣлахъ отца моего и моихъ? Я увѣренъ, что ты нелицемѣрно скажешь мнѣ правду».

Долгорукій отвѣчалъ:

— «Изволь, государь, присѣсть, а я подумаю».

Петръ сѣлъ подлѣ. Всѣ притихли. Помолчавъ немного, князь Яковъ сказалъ:

«На вопросъ твой нельзя отвѣтить коротко, потому что у тебя съ отцомъ дѣла разныя: въ одномъ ты больше заслуживаешь хвалы и благодарности, въ другомъ—твой отецъ. Три главныя дѣла у царей: первое—внутренняя расправа и правосудіе; это ваше главное дѣло. Для этого у отца твоего было больше досуга, а у тебя еще и времени подумать о томъ не было, и потому въ этомъ отецъ твой больше тебя сдѣлалъ. Но когда ты займешься этимъ, можетъ-быть, и больше отцова сдѣлаешь. Да и пора ужъ тебѣ о томъ подумать. Другое дѣло—военное. Этимъ дѣломъ отецъ твой много хвалы заслужилъ и великую пользу государству принесъ, устройствомъ регулярныхъ войскъ тебѣ путь показалъ; но послѣ него неразумные люди всѣ его начинанія разстроили, такъ что ты почти все вновь начиналъ и въ лучшее состояніе привелъ. Однако, хоть и много я о томъ думалъ, но еще не знаю, кому изъ васъ въ этомъ дѣлѣ предпочтеніе отдать; конецъ твоей войны прямо намъ это покажетъ. Третье дѣло—устройство флота, внѣшніе опыты, отношенія къ иностраннымъ государствамъ. Въ этомъ ты гораздо больше пользы государству принесъ и себѣ чести заслужилъ, нежели твой отецъ, съ чѣмъ, надѣюсь, и самъ согласишься. А что говорятъ, якобы каковы министры у государей, таковы и дѣла ихъ, такъ я думаю о томъ совсѣмъ напротивъ, что мудрые государи умѣютъ и умныхъ совѣтниковъ выбирать и вѣрность ихъ наблюдать. Потому у мудраго государя не можетъ быть глупыхъ министровъ, ибо онъ можетъ о достоинствѣ каждаго разсудить и правые совѣты отличить».

«Петръ выслушалъ все это и, поцѣловавшись съ Долгоруковымъ, сказалъ:

— «Благій рабе вѣрный, въ малѣ былъ мнѣ вѣренъ, надъ многими тя поставлю!»

«Окружавшіе Петра сотрудники представляли изъ себя довольно пестрое общество, тутъ были и русскіе, и иноземцы, и знатные, и худородные, очень умные, даровитые люди, и средніе, не отличавшіеся иногда даже точностью и аккуратностью простыхъ исполнителей. Многіе изъ нихъ были долголѣтними спутниками жизни Петра—

кн. Ѳ. Ю. Ромодановскій, кн. М. М. Голицынъ, Т. Н. Стрѣшневъ, кн. Я. Ѳ. Долгорукій, гр. Головинъ, гр. Шереметевъ, П. Толстой. Я. Брюсъ, Ѳ. Апраксинъ, А. Репнинъ... Многіе изъ нихъ проходили вмѣстѣ съ Петромъ «барабанную науку» въ потѣшныхъ ротахъ, брали Прешпурхъ, ходили подъ Кожухово, отъ потѣхъ незамѣтно перешли къ дѣлу подъ Азовомъ, пережили Нарву и Полтаву, гдѣ оказались очень недурными генералами, знающими свое дѣло, побѣдителями генераловъ Карла XII, какъ изучавшіе вмѣстѣ съ Петромъ морское дѣло Мишуковы и Сенявины оказались хорошими капитанами и адмиралами. Петръ обладалъ рѣдкимъ даромъ узнавать людей и каждаго умѣлъ пристроить къ такому дѣлу, какое этому человѣку было болѣе по душѣ и способностямъ. Онъ не стѣснялся поручика галернаго флота назначить полномочнымъ посломъ къ султану; бывшему заговорщику, стороннику Софіи и ненавистныхъ Милославскихъ, довѣрять секретныя государственныя дѣла, а недавнему дворовому человѣку ввѣрять управленіе такой важной тогда губерніи, какъ Архангельская.

Нужныхъ ему людей Петръ набиралъ всюду, не разбирая ни званія, ни происхожденія. Бывшій юнга съ португальскаго корабля становится у него генералъ-полицеймейстеромъ новой столицы (Девіеръ); бывшій литовскій свинопасъ достигаетъ званія генералъ-прокурора (Ягужинскій), а сидѣлецъ мелочной еврейской лавочки — вице-канцлера (Шафировъ); дворовый человѣкъ становится губернаторомъ (Курбатовъ), пирожникъ—правой рукой и дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ царя (А. Д. Меншиковъ).

Старый русскій приказный бытъ съ его «поминками и посулами» и превеликой волокитой положилъ на сотрудниковъ Петра свою печать; такъ же, какъ и ихъ ближайшіе предшественники — судьи приказовъ, дьяки и подьячіе, сотрудники Петра «ко взятію руки скоро допускали»; у европейской культуры они заимствовали только внѣшній лоскъ и блескъ, получили больше аппетита къ благамъ жизни, которыя стоили дороже, чѣмъ требованія отъ жизни въ московское время, и потому сотрудники Петра отъ своихъ предшественниковъ по службѣ отличались въ этомъ отношеніи только тѣмъ, что крали и брали больше.

Князь Б. Куракинъ, писавшій въ 1727 г., утверждаетъ, что «міздоимство великое и кража государственная продолжались съ умноженіемъ и вывести сію язву было трудно». Петръ безпощадно, жестоко боролся съ казнокрадствомъ. Натура до щепетильности честная, добросовѣстная и правдивая, онъ не выносилъ никакой лжи, кражи, утайки; самъ всегда во всемъ дѣйствуя на чистоту, Петръ и отъ другихъ требовалъ того же.

За взяточничество и казнокрадство, которыя Петръ считалъ великими преступленіями противъ отечества, перебывали подъ судомъ и поплатились денежными взысканіями почти всѣ изъ наиболѣе видныхъ сотрудниковъ Петра. Сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ былъ за это повѣшенъ; с.-петербургскій вице-губернаторъ пытанъ и публично сѣченъ на площади; вице-канцлеръ баронъ Шафировъ снятъ съ плахи и отправленъ въ ссылку. Кругомъ Петра всѣ, по его выраженію, «играли въ законъ, какъ въ карты, подбирая масть къ масти и неустанно подводили мины подъ фортецію правды». Все это не могло не ожесточать Петра, по натурѣ человѣка снисходительнаго, доброжелательнаго и довѣрчиваго, и онъ потерялъ вѣру въ людскую честность: «Всякъ человѣкъ есть ложь»,—любилъ онъ повторять слова псалма Давидова:—«Правды въ людяхъ мало, а коварства много», и Петру стало казаться, что эту «ложь человѣчу» можно обуздать только «жесточью». Отсюда необыкновенная строгость его законодательства и обиліе въ немъ угрозъ страшными казнями. Отсюда и та быстрота его на всякую расправу, на «поступанье руками»—отъ битья знаменитой дубинкой до смертной казни включительно.

Эта «дубинка» была далеко не такой потѣшной вещью, какъ иногда можетъ казаться теперь; при его громадной физической силѣ, Петръ билъ больно, а войдя въ азартъ, какъ онъ это умѣлъ по своему характеру дѣлать, билъ жестоко, такъ что жена его, царица Екатерина, иной разъ вбѣгала въ кабинетъ и съ большими усиліями прекращала побои. Пуская въ ходъ дубинку, Петръ, однако, никогда не забывалъ одного: билъ виновнаго всегда наединѣ и, отпотчевавъ, не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь упрекалъ этими побоями прощеннаго сотрудника, и потому ласково провожалъ побитаго до дверей своей

токарной, гдѣ, обыкновенно, происходили эти расправы; наказанный для всѣхъ долженъ былъ оставаться такимъ же довѣреннымъ государя, такимъ же его близкимъ сотрудникомъ, какимъ былъ до наказанія; никто о побояхъ не долженъ былъ и знать; побитый приглашался къ обѣду, и никакихъ дальнѣйшихъ взысканій за проступокъ съ него уже не дѣлалось: «дубинка» покрывала все. Больше и чаще всего гуляла она по спинѣ и бокамъ царскаго друга и перваго помощника во всемъ—смѣлаго, ловкаго, необыкновенно талантливаго князя А. Д. Меншикова: по своей талантливости и разносторонности Меншиковъ точно младшій братъ Петра, и Петръ цѣнилъ его, какъ лучшаго друга; онъ называлъ его «мейнъ герцбрудеръ» или просто mein Herz. Но этотъ братъ и другъ не доросъ до своего высокаго покровителя въ одномъ отношеніи: былъ очень нечистъ на руку: вымогательствами и плутнями онъ составилъ себѣ состояніе не въ одинъ милліонъ; когда нѣкоторыя изъ плутней Меншикова вскрывались, Петръ угощалъ любимца только дубинкой; онъ слишкомъ дорожилъ талантливымъ сотрудникомъ и не могъ забыть его заслугъ. На докладъ объ одномъ корыстномъ поступкѣ Меншикова Петръ сказалъ:

— «Вина не малая, да прежнія заслуги больше ея»; подвергъ своего Данилыча денежному штрафу и поколотилъ наединѣ дубинкой, послѣ чего выпроводилъ его изъ токарной со словами:

— «Смотри, Александра, въ послѣдній разъ говорю: берегись!»

Меншиковъ не поберегся; Петръ съ сокрушеніемъ сердечнымъ пообѣщалъ отдать подъ судъ и казнить герцбрудера, если эта плутня не будетъ послѣдней.

Натура дѣятельная и энергичная, Петръ не зналъ устали и всегда что-нибудь работалъ. Въ молодости онъ уже зналъ до 14 ремеслъ и не уставалъ всю жизнь поучиться чему-нибудь новому—отъ кузнечнаго мастерства до гравировальнаго искусства. Любимымъ занятіемъ его въ часы досуга было токарное дѣло. За станкомъ онъ отдыхалъ душой и нервами отъ тревогъ и тягостей повседневной жизни. Однообразное шуршаніе колеса и обтачиваемаго дерева или кости успокаивающе дѣйствовало на него, и онъ, зная это, разсерженный и встревоженный чѣмъ-нибудь, шелъ въ токарную,

чтобы успокоиться и собраться съ мыслями за любимой работой. Послѣ Петра осталась масса выточенныхъ имъ вещей—табакерокъ, паникадилъ, стакановъ и т. п. Считалъ себя Петръ и большимъ спеціалистомъ въ зубоврачебномъ дѣлѣ, сведя его, впрочемъ, къ простой задачѣ дерганья зубовъ: онъ любилъ указывать на цѣлый мѣшокъ надерганныхъ имъ зубовъ, похваляясь своимъ искусствомъ; зато близкіе и придворные старались всячески скрывать, коли случайно у кого заболятъ зубы, чтобы не попасться на излѣченіе къ державному дантисту, при первомъ извѣстіи о паціентѣ спѣшившему къ больному съ щипцами и мѣшкомъ своихъ трофеевъ. Всегда не прочь былъ онъ и сдѣлать кровопусканіе больному. Всякое дѣло Петръ любилъ изучить самъ до основанія. Когда во время второго заграничнаго путешествія онъ подготовлялъ планы гражданскаго переустройства, то не только самъ прочитывалъ въ переводѣ или выслушивалъ въ докладѣ многочисленные проекты, доставлявшіеся ему отъ различныхъ своихъ и чужихъ дѣльцовъ, но и самъ порядочно времени провелъ въ датскихъ коллегіяхъ-министерствахъ, изучая на практикѣ дѣлопроизводство и формы дѣловыхъ бумагъ и сношеній. Поручая изучить какое-либо дѣло одному изъ своихъ приближенныхъ, Петръ всегда наказывалъ отнюдь не ограничиваться книжнымъ или бумажнымъ знакомствомъ съ указаннымъ дѣломъ, а входить непремѣнно въ практическую суть его, изучать его не по книгѣ, а на дѣлѣ, «понеже въ книгахъ всѣхъ циркумстанцій не пишутъ»,—говаривалъ онъ. Но важнѣйшими своими занятіями и дѣломъ въ жизни Петръ считалъ «солдатство» и флотъ. Онъ былъ первымъ солдатомъ и матросомъ въ рядахъ своей военной силы и дѣятельнѣйшимъ ея офицеромъ и руководителемъ. Начавъ службу съ барабанщика въ рядахъ потѣшныхъ, первое огненное крещеніе Петръ получилъ въ траншеяхъ подъ Азовомъ, когда онъ дни и ночи бомбардировалъ верки крѣпости. Онъ любилъ говорить, что «зачалъ служить съ перваго Азовскаго похода бомбардиромъ». Петръ послѣдовательно проходилъ службу съ низшихъ чиновъ и только къ концу жизни дослужился до полнаго генеральскаго чина въ арміи и до адмирала во флотѣ.

Петръ не былъ полководцемъ, какимъ были, напримѣръ, Карлъ XII или Наполеонъ. Война, войско, побѣды, пораженія существо-

вали для него не сами по себѣ, а цѣнились имъ только какъ средства для достиженія иныхъ цѣлей, среди которыхъ не было цѣли личнаго честолюбія; благо отечества—вотъ что руководило Петромъ и въ военномъ дѣлѣ. Себя онъ въ военномъ дѣлѣ всегда охотно ставилъ на второе, даже на третье мѣсто.

Но въ нужныя минуты Петръ умѣлъ становиться во главѣ своихъ полковъ и одушевлять ихъ личнымъ примѣромъ, личной доблестью; зналъ онъ хорошо и теорію военнаго дѣла; сраженіе при Лѣсномъ, Полтавская битва во многомъ прошли удачно, благодаря его распоряженіямъ, но быть лично при войскѣ, даже въ ожиданіи Полтавы, Петръ не считалъ важнымъ. Торопясь изъ Азова черезъ степь въ Полтаву, онъ писалъ Меншикову, что будетъ спѣшить, какъ можетъ, «однако понеже въ нужномъ дѣлѣ и часъ потерять нужной бываетъ худо, то для того, ежели что подлежитъ нужно, то, не дожидаясь меня, съ помощью Божіею, дѣлайте».

Не становясь вообще во главѣ полевого командованія, Петръ предоставлялъ водить войска въ битву своимъ генераламъ, а себѣ избралъ менѣе видную, но очень существенную роль—устройство тыла своей арміи. Въ этомъ смыслѣ Петръ былъ душой войска и дѣятельно, не покладая рукъ, трудился надъ совершенствованіемъ и устройствомъ своихъ полковъ. Онъ набиралъ рекрутовъ, готовилъ запасы, устраивалъ полки, составлялъ планы военныхъ движеній, строилъ корабли, фабрики, военные заводы, заготовлялъ амуницію, провіантъ, военные снаряды, подгонялъ начальниковъ, стремившихся послѣ побѣды посидѣть дома и отдохнуть, ободрялъ легко падавшихъ духомъ послѣ пораженій, каралъ безъ пощады виновныхъ, взяточниковъ и тунеядцевъ, приводилъ въ движеніе весь сложный государственный механизмъ и умѣлой рукой смѣло направлялъ его къ той общей большой цѣли, которую намѣтилъ и во всѣхъ подробностяхъ охватывалъ его громадный умъ.

Въ этой кипучей безустанной дѣятельности Петръ воспиталъ своихъ генераловъ; подчиняясь имъ во фронтѣ, внѣ его онъ властно требовалъ отъ нихъ дѣятельной службы не за страхъ, а за совѣсть. Требовалъ отъ нихъ умѣнія самимъ оцѣнивать положеніе и дѣйствовать, когда нужно, самостоятельно, не дожидаясь указки;

требовалъ, чтобы они не походили, по его же сравненію, на того слугу, который, видя, что хозяинъ его тонетъ, не рѣшается его спасти, пока не справится, прописано ли у него въ наемномъ контрактѣ вытаскивать изъ воды утопающаго хозяина.

Около себя Петръ сумѣлъ создать настоящую дружную военную семью, обожавшую его и любимую имъ. Фельдмаршалъ Шереметевъ, положа руку на сердце, могъ утверждать, что побѣждалъ онъ шведовъ, во многихъ случаяхъ, благодаря только той гоньбѣ, которую онъ получалъ отъ преображенскаго полковника. «Иди днемъ и ночью,— писалъ не разъ ему Петръ,—а если такъ не учинишь, не изволь впредь на меня пенять!» Князь Рѣпнинъ за маловажное упущеніе, которое могло, однако, поддержать Ригу, осаждавшуюся русскими, получилъ угрозу, что шеей заплатитъ, безъ головы будетъ, если еще допуститъ что-либо подобное. Но безъ промаховъ нельзя ни въ какомъ дѣлѣ обойтись, и Петръ зналъ это лучше другихъ, и когда Шереметеву не удалась по оплошности же одна операція противъ Левенгаупта, и онъ былъ въ отчаяніи, Петръ писалъ ему: «Не извольте о бывшемъ несчастіи печальны быть, понеже всегдашняя удача многихъ людей ввела въ пагубу, но забывать и паче людей обадривать надлежитъ».

Петръ не умѣлъ падать духомъ при неудачѣ и переоцѣнивать успѣхъ. Какъ послѣ перваго Азова и Нарвскаго пораженія, такъ и послѣ Полтавы онъ развиваетъ необычайную дѣятельность. «Времени потеряніе—смерти невозвратной подобно!» любилъ повторять Петръ, когда измученные его гоньбой сотрудники просили объ отдыхѣ.

Съ оставшимися послѣ Нарвы войсками генералы Петра, по его указанію, предпринимаютъ рядъ наступательныхъ движеній. «Господа шведы еще не одинъ разъ поколотятъ насъ,—ободрялъ Петръ своихъ сотрудниковъ,—но у нихъ же мы научимся и побѣждать».

Добыть море для Россіи было завѣтной мечтой Петра, въ исполненіи ея онъ видѣлъ задачу своей жизни, залогъ благоденствія отечества.

«Господь Богъ посредствомъ оружія возвратилъ большую часть дѣдовскаго наслѣдства, неправильно похищеннаго,—говорилъ Петръ.— Умноженіе флота имѣетъ единственно цѣлью обезпеченіе торговли и

пристаней; пристани эти останутся за Россіей, потому что онѣ сначала ей принадлежали; во-вторыхъ потому, что пристани необходимы для государства, ибо чрезъ сихъ артерій можетъ здравѣе и прибыльнѣе сердце государственное быть». Море, морское дѣло, флотъ, корабли—все это сдѣлалось родной стихіей душѣ Петра, и онъ былъ прекраснымъ знатокомъ морского и корабельнаго дѣла; современники считали его лучшимъ корабельнымъ мастеромъ въ Россіи, онъ могъ быть не только опытнымъ руководителемъ и надзирателемъ при постройкѣ корабля, но и самъ умѣлъ построить корабль отъ киля до тонкой кормовой рѣзьбы. Корабль «Полтава», построенный Петромъ по его чертежамъ и подъ его личнымъ руководствомъ и наблюденіемъ, отличался очень хорошими морскими качествами и былъ хорошій ходокъ.

Никакая волна, никакая буря не могли остановить Петра отъ поѣздки по морю на буэрѣ, легкой парусной шлюпкѣ или на весельномъ ботѣ. Не разъ у матросовъ и гребцовъ, возившихъ Петра, опускались руки и замирало сердце, а онъ, смѣло и крѣпко держа въ рукахъ штурвалъ, ободрялъ оробѣвшихъ:

— Чего боитесь? Царя везете! Не было еще того, чтобы утонулъ русскій царь!—и всегда счастливо избѣгалъ опасности.

Зимой, когда ледъ сковывалъ водную стихію своей крѣпкой броней, и Петру приходилось отказаться отъ пребыванія возлѣ моря и на корабляхъ, онъ приказывалъ прорубить во льду Невы передъ дворцомъ каналъ въ нѣсколько десятковъ саженъ длины и почти каждый день катался здѣсь на весельномъ катерѣ, самъ работая веслами. Очень онъ любилъ также зимой катанье на буэрахъ, поставленныхъ на полозья и управлявшихся парусами. Каждый праздникъ цѣлая вереница такихъ суденышекъ-саней скользила по невскому льду и мчалась въ Петергофъ.

Лѣтомъ Петръ всегда старался прожить хоть нѣсколько дней въ Петергофѣ. Подолгу онъ просиживалъ на террасѣ своего маленькаго дворца, любуясь моремъ и виднѣвшимися вдали Кронштадтомъ съ его укрѣпленіями и эскадрой кораблей.

Море, доставлявшее такъ много радости и труда Петру, было и ближайшей причиной его смерти. Въ одинъ темный и бурный но-

ябрьскій вечеръ 1724 г. съ версту отъ Лахты сталъ на мель шедшій изъ Кронштадта ботъ съ солдатами и матросами. Царь находился въ это время какъ разъ въ Лахтѣ, проѣздомъ на оружейный заводъ въ Сестрорѣцкѣ. Онъ увидѣлъ бѣдствіе и послалъ шлюпку стащить ботъ съ мели, но шлюпка не могла это сдѣлать. Межъ тѣмъ волны уже совсѣмъ захлестывали ботъ, и судну съ окоченѣвшими людьми грозила неминуемая гибель. Петръ, уже давно прихварывавшій, бросился въ шлюпку и, доѣхавъ до мели, выскочилъ въ ледяную воду, гдѣ, стоя по поясь въ водѣ, сталъ распоряжаться спасеніемъ людей. Всѣ были спасены, но это стоило Петру сильной простуды, отъ которой его болѣзнь усилилась и въ два мѣсяца свела его въ могилу.

Проживая въ Петербургѣ, Петръ дня не пропускалъ безъ того, чтобы не заглянуть въ адмиралтейство и не постучать тамъ топоромъ, прикинуть чертежъ, сдѣлать строителямъ нѣсколько практическихъ указаній, поспорить о той или иной детали строящагося корабля съ своими любимыми мастерами Ѳедосомъ Скляевымъ и Гаврилой Меншиковымъ, съ которыми плечо о плечо онъ изучалъ корабельное дѣло и строилъ азовскій флотъ. Эти два невидныхъ пріятеля Петра пользовались большимъ его расположеніемъ. Для этихъ мастеровъ-товарищей Петръ былъ капитаномъ и отцомъ. «Mein Her kaptein un Fader,—писали Скляевъ и Гаврила Меншиковъ, поздравляя Петра Андреевскимъ кавалеромъ,—здравствуй о Господѣ, дослужившись кавалеріи св. апостола Андрея. Благодаримъ милости вашей о извѣстіи взятія дву фрегатовъ...» Her kaptein не забывалъ своихъ мастеровъ, увѣдомлялъ ихъ о побѣдахъ, о весельи, о самомъ себѣ, а мастера, въ свою очередь, поздравляютъ царя съ побѣдами, сообщаютъ о ходѣ кораблестроенія, пишутъ о своихъ пированіяхъ: «Были въ дому Ѳедора Матвѣевича зѣло шумны: съ Иваномъ (Хмельницкимъ) былъ бой, и онъ насъ пошибъ». Еще въ азовское время, поджидая въ Воронежѣ Скляева, Петръ разнесъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, страшнаго «монстру» князя-кесаря Ромодановскаго, который осмѣлился задержать Скляева въ Преображенскомъ за драку съ солдатами. На свадебномъ пиру царя въ 1712 г. Ѳедосъ Скляевъ сидѣлъ «на братнемъ мѣстѣ», занимая третье мѣсто

послѣ государева, тогда какъ первое и второе занимали вице-адмиралъ Крюйсъ и шаутбенахтъ Боцисъ; шаферами же государя, кромѣ Меншикова, были все морскіе офицеры—Гослеръ, Попагай, Мухановъ, Вильбоа, Наумъ Сенявинъ, Мишуковъ.

Петръ былъ убѣжденный самодержецъ и только въ своемъ самодержавіи видѣлъ силу и средство все въ Россіи «изъ небытія въ бытіе привести». Ему рисовались высокія цѣли. Брауншвейгскій резидентъ Веберъ сохранилъ намъ одну рѣчь Петра, показывающую, какъ далеко и мощно хватала его творческая мысль при оцѣнкѣ того, что онъ сдѣлалъ. «Кому изъ васъ, братцы мои, — говорилъ Петръ сидѣвшимъ съ нимъ на палубѣ новаго корабля,—хоть бы во снѣ снилось, что мы съ вами здѣсь, у Остзейскаго моря, будемъ плотничать и въ одеждѣ нѣмцевъ, въ завоеванной у нихъ же нашими трудами и мужествомъ странѣ построимъ городъ, въ которомъ вы живете; что мы доживемъ до того, что увидимъ такихъ храбрыхъ побѣдоносныхъ солдатъ и матросовъ русской крови, такихъ сыновъ, побывавшихъ въ чужихъ странахъ и возвратившихся домой столь смышлеными; что увидимъ у себя такое множество иноземныхъ художниковъ и ремесленниковъ, доживемъ до того, что меня и васъ станутъ такъ уважать чужестранные государи! Историки полагаютъ колыбель всѣхъ знаній въ Греціи, откуда, по превратности временъ, они были изгнаны, перешли въ Италію, а потомъ распространились было и по всѣмъ инымъ землямъ Европы, но невѣжествомъ нашихъ предковъ были пріостановлены и не проникли далѣе Польши; а поляки, равно какъ и всѣ нѣмцы, пребывали въ такомъ же непроходимомъ мракѣ невѣжества, въ какомъ мы пребываемъ доселѣ, и только непомѣрными трудами правителей своихъ открыли глаза и усвоили себѣ прежнія греческія искусства, науки и образъ жизни. Теперь очередь приходитъ до насъ, если только вы поддержите меня въ моихъ важныхъ предпріятіяхъ, будете слушаться безъ всякихъ отговорокъ и привыкнете свободно распознавать и изучать добро и зло. Это передвиженіе наукъ я приравниваю къ обращенію крови въ человѣческомъ тѣлѣ, и сдается мнѣ, что со временемъ онѣ оставятъ теперешнее свое мѣстопребываніе въ Англіи, Франціи и Германіи, продержатся нѣсколько вѣковъ у насъ и затѣмъ снова возвра-

тягся въ истинное отечество свое—въ Грецію. Покамѣстъ совѣтую вамъ помнить латинскую поговорку: Ora et labora (молись и трудись), и твердо надѣяться, что, можетъ-быть, еще на нашемъ вѣку вы пристыдите другія образованныя страны и вознесете на высшую степень славу русскаго имени».

Мысль объ отечествѣ нигдѣ и никогда не покидала Петра: служить отечеству онъ считалъ своей обязанностью и говорилъ объ этомъ всегда просто, какъ о дѣлѣ серьезномъ, естественномъ. Въ 1704 году, когда его войска взяли Нарву, Петръ, радуясь успѣху, говорилъ своему сыну, царевичу Алексѣю, десятилѣтнему участнику осады: «Ты долженъ любить все, что служитъ ко благу и чести отечества, не щадить трудовъ для общаго блага; а если совѣты мои разнесетъ вѣтеръ, я не признаю тебя своимъ сыномъ». Въ концѣ жизни Петръ больной отправился на Ладожскій каналъ осматривать работы; болѣзнь усилилась отъ этой поѣздки. «Болѣзнь упряма,—говорилъ онъ тогда своему доктору,—природа знаетъ свое дѣло, но и намъ надлежитъ пещись о пользѣ государства, пока силы есть».

Въ рѣшительную минуту своей жизни, наканунѣ Полтавской битвы, когда стояло на картѣ все—и плоды достигнутаго успѣха и задушевнѣйшія мечты объ обладаніи моремъ, о грядущемъ величіи и славѣ Россіи, когда рѣшалось, быть-можетъ, самое существованіе Россіи, боровшейся съ сильнымъ непріятелемъ и полной внутренняго недовольства и неустройства, Петръ, обращаясь къ войску, призываетъ солдатъ исполнить долгъ свой передъ отечествомъ; онъ говорилъ: «Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь... а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего».

Съ этой точки зрѣнія Петръ смотрѣлъ на себя, какъ на перваго слугу государства, руководителя подданныхъ на пути къ славѣ и счастью отечества. Все, что онъ признавалъ за благо, должно было осуществляться путемъ неусыпнаго энергичнаго труда всѣхъ, и кто прекословилъ и уподоблялся въ дѣлѣ, по его выраженію, раку, тотъ былъ злѣйшимъ врагомъ Петра, потому что былъ съ его точки зрѣ-

нія врагомъ отечества. И такому врагу пощады не было. Родной сынъ поплатился головой за свою косность и неодобреніе дѣлъ отца. Убѣжденный сторонникъ господствовавшаго тогда въ Европѣ взгляда на боговдохновенное значеніе государя какъ отца-руководителя своихъ дѣтей—подданныхъ, Петръ, надо признать, былъ крутымъ отцомъ, но все же не деспотомъ-самодуромъ. Какъ бы сознавая, что событія XVII вѣка и его собственныя реформы нарушили въ русской жизни привычную твердость вѣкового обычая, руководившаго дотолѣ всѣми поступками и чувствами русскихъ людей, и поставили ихъ въ такое положеніе, когда они не только не могли дѣйствовать по обычаю, а должны были часто поступать вопреки ему, Петръ взялъ на себя созданіе и детальную разработку правилъ, какъ поступать подданнымъ при тѣхъ новшествахъ, исполнять которыя они должны для предуказаннаго имъ блага государства. Эта работа выразилась въ необыкновенно подробно развитыхъ положеніяхъ петровскаго законодательства, стремившагося часто до мелочей предписывать русскому человѣку не только цѣли, но и самые пріемы дѣятельности и не только въ области государственной или общественной, но и частной жизни.

Въ своемъ законодательствѣ Петръ всегда стремится сначала объяснить подданнымъ, зачѣмъ и почему предпринимается та или иная мѣра, и потомъ уже, какъ въ угрозу за неисполненіе разумно объясненнаго полезнаго дѣла, слѣдуютъ у него пункты о жестокихъ наказаніяхъ и казняхъ ослушникамъ. И это у него во всякомъ указѣ—касается ли онъ запрещенія выгонять скотъ на улицу столицы, объявляетъ ли о цѣлебныхъ силахъ олонецкихъ минеральныхъ водъ, измѣняетъ ли порядокъ престолонаслѣдія. Для объясненія нѣкоторыхъ своихъ поступковъ и распоряженій Петръ приказывалъ составлять цѣлые трактаты для широкаго распространенія въ народѣ. Таковы были: «Правда воли монаршей» и «Разсужденіе о причинахъ Сѣверной войны».

Но когда Петру казалось, что убѣжденіе словомъ не помогаетъ, онъ безпощадно пускалъ въ ходъ казни и дубинку.

Противъ жестокости Петра слышались уже тогда большіе упреки. Въ простомъ народѣ, замореномъ непомѣрной службой, созда-

лось и находило много послѣдователей убѣжденіе, что Петръ не царь, а антихристъ, мучитель мірской; даже иностранцы, присматриваясь къ крутымъ мѣрамъ, на которыя Петръ былъ щедръ, не чуждались называть его тираномъ. Петръ зналъ это и страстно защищался отъ этихъ оскорблявшихъ его мнѣній. «Знаю,—говорилъ онъ,—что меня считаютъ тираномъ. Иностранцы говорятъ, что я повелѣваю рабами. Это неправда: не знаютъ всѣхъ обстоятельствъ. Я повелѣваю подданными, повинующимися моимъ указамъ; эти указы содержатъ въ себѣ пользу, а не вредъ государству. Надобно знать, какъ управлять народомъ. Англійская вольность здѣсь не у мѣста, какъ къ стѣнѣ горохъ. Честный и разумный человѣкъ, усмотрѣвшій что-либо вредное, или придумавшій что полезное, можетъ говорить мнѣ прямо, безъ боязни. Вы сами тому свидѣтели. Полезное я радъ слушать и отъ послѣдняго подданнаго. Доступъ ко мнѣ свободенъ, лишь бы не отнимали у меня времени бездѣльемъ. Недоброхоты мои и отечеству, конечно, мной недовольны. Невѣжество и упрямство всегда ополчались на меня съ той поры, какъ задумалъ я ввести полезныя перемѣны и исправить грубые нравы. Вотъ кто настоящіе тираны, а не я. Я не усугубляю рабства, обуздывая озорство упрямыхъ, смягчая дубовыя сердца; не жестокосердствую, переодѣвая подданныхъ въ новое платье, заводя порядокъ въ войскѣ и въ гражданствѣ и пріучая къ людскости; не тиранствую, когда правосудіе осуждаетъ злодѣя на смерть. Пускай злость клевещетъ: совѣсть моя чиста. Богъ мнѣ судья! Неправые толки въ свѣтѣ разноситъ вѣтеръ».

Стремясь всей своей жизнью придать своей самодержавной власти характеръ долга, а не произвола, Петръ считалъ, что на его дѣятельность иначе нельзя смотрѣть, какъ на служеніе общему благу, и что жестокія мѣры на этомъ служеніи не есть тиранія.

Но дѣло въ томъ, что Петръ, цѣня и уважая человѣческое достоинство вообще, рѣзко дѣлилъ людей на раздѣляющихъ образъ его мыслей и на «упрямцевъ», и насколько умѣлъ быть снисходителенъ къ первымъ, настолько былъ упоренъ и жестокъ въ преслѣдованіи вторыхъ. Здѣсь-то и сказалось особенно, что Петръ былъ сынъ своего жестокаго вѣка, а тяжелое дѣтство, отсутствіе воспитанной привычки сдерживать свои порывы, ранняя самостоятельность,

какъ царя, все это при страстной увлекающейся натурѣ и дѣлало Петра иногда безудержнымъ въ жестокости.

Это двоякое отношеніе Петра къ людямъ вызывало и къ нему двоякое отношеніе у людей. «Упрямцы» его ненавидѣли, какъ антихриста и людомора, и въ своей ненависти всегда были готовы перейти отъ словъ и мыслей къ дѣлу. Заговоры противъ Петра и покушенія на его жизнь—не плодъ фантазіи: сынъ его желалъ ему смерти, духовникъ его, которому царевичъ повѣдалъ свою мысль, не остановилъ его, а лишенный сана за прикосновенность къ этому дѣлу архіерей ростовскій Досифей, глухо, но увѣренно ссылаясь на то, что говорятъ о Петрѣ въ народѣ, при самомъ обрядѣ лишенія сана, намекалъ, что въ народѣ ждали смерти царя.

Но зато тѣ, кому приходилось работать съ Петромъ, тѣ, кто умѣлъ усвоить себѣ величіе совершаемаго имъ дѣла и сознательно вносилъ крупицу своего труда въ его творческую дѣятельность, тѣ боготворили Петра, были готовы итти за нимъ въ огонь и воду, защищали его и оправдывали во всѣхъ обвиненіяхъ въ жестокости. «Ахъ, если бы многіе знали то, что извѣстно намъ, — говоритъ Нартовъ,—дивились бы снисхожденію его. Если бы когда-нибудь случилось философу разбирать архиву тайныхъ дѣлъ, вострепеталъ бы отъ ужаса, что содѣлывалось противъ сего монарха». «Эта архива» уже разбирается,—говоритъ профессоръ В. О. Ключевскій, — и все яснѣе обнаруживается, по какой раскаленной почвѣ шелъ Петръ, ведя реформу съ своими сотрудниками. Все вокругъ него роптало на него, и этотъ ропотъ, начинаясь во дворцѣ, въ семьѣ царя, широко расходился оттуда по всей Руси, по всѣмъ классамъ общества, проникая вглубь народной массы».

Тѣ изъ сочувствовавшихъ, кто пережили Петра, вспоминали о немъ со слезами гордости и обаянія передъ величіемъ личности Петра. При вѣсти о его смерти падали въ обморокъ люди далеко не слабонервные, суровые, въ родѣ его константинопольскаго резидента Неплюева. «Ей-ей не лгу,—пишетъ Неплюевъ, — былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ; да иначе мнѣ и грѣшно было бы: сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими, научилъ насъ узнавать, что и мы люди».

Къ Петру люди вообще подходили легко и, увидя его, «всегда въ работѣ пребывающаго», не могли не склоняться передъ нимъ съ любовью и восхищеніемъ. Это прорывалось у всѣхъ, какъ наивно и непосредственно прорвалось у одного олонецкаго мужика, который разсказывалъ, какъ его дѣдъ видѣлъ Петра за работой на заводѣ.

— Вотъ это царь, такъ царь,—высказалъ онъ свое впечатлѣніе,—даромъ хлѣба не ѣлъ; лучше бурлака работалъ!

См. *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XIV–XVIII. *В. О. Ключевскій*, Курсъ лекціи; Его-же, «Петръ Великій среди своихъ сотрудниковъ».

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни России, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія, приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*“ и „*Дворъ удѣльнаго князя*“.

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ“ государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*“ и „*Расколъ церкви*“. Карт. 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ— взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великаго, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всероссійской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

картины, которыя очерчиваютъ главнѣйшія изъ реформъ, ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и указ реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.)

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризуе как̄ъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фавор посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): „*Выходъ императрицы Екатерины II*“, „*Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ*“, „*Дворянское собраніе при Екатеринѣ II*“, „*Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.*“.

Картина (42) „*Вахтпарадъ императора Павла I*“ характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), „*Декабристы*“, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуницией. (См. карт. 46—„*Ученье рекрутъ въ Николаевское время*“.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая „*Городъ Николаевскихъ временъ*“, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина „*Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ*“ (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) „*Люди 40-хъ годовъ*“.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

Т-во скоропеч. А. А. [illegible]